

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВ СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ
В АНАНЬИНСКУЮ ЭПОХУ
(ИСТОКИ И ФОРМИРОВАНИЕ)**

Специальность
07.00.06 — археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

С.-ПЕТЕРБУРГ 2002

Работа выполнена на кафедре археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Савинов Д.Г.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук Алексеев А.Ю.

кандидат исторических наук Кузьминых С.В.

Ведущая организация Музей Антропологии и Этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

Защита состоится **«03» июня 2002 г. в 15.30** на заседании диссертационного совета К-212.232.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук в С.-Петербургском государственном университете — 199034 г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия 5, исторический ф-т.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.А.М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2002 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

_____

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Начало эпохи раннего железного века на территории Евразии ознаменовано качественными переменами в жизни большинства евразийских народов. Следствием этих перемен стало появление новых технологий и усовершенствование хозяйства, что в свою очередь отразилось на их мировоззрении и культуре. Это время отмечено мощным выплеском культуры древних кочевников из глубин Азии. Вместе с этим на территории Евразии появляется и становится преобладающим в искусстве такое культурное явление как звериный стиль, характеризующийся изображениями животных в определенных позах и с помощью определенных приемов. Общая идеология и мобильность кочевых народов, достигших к этому времени высокой ступени развития, обеспечили ему быстрое распространение и длительное существование на огромной территории, преимущественно в степных и горных районах. Скифский звериный стиль многокомпонентен, ему присущи свои локальные различия, но в то же время он удивительным образом демонстрирует единство художественных приемов, мотивов и сюжетов. Сюжетное многообразие скифского звериного стиля дает огромный материал для его изучения. Многие связанные с ним вопросы и по сей день остаются дискуссионными, несмотря на обширную литературу.

Скифский звериный стиль — наряду с конским убором и вооружением определенных типов — формирует скифскую триаду. Наличие скифской триады определяет круг культур скифского типа (провинций) на громадном пространстве Европы и Азии в VIII—III вв. до н.э.: Северное Причерноморье и Днепровская Лесостепь, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, Средняя Азия, Казахстан, Минусинская котловина, Саяно-Алтай, Тува, Монголия и Северный Китай (Синьцзян и Ордос). Эти очаги «скифской» культуры являлись генераторами идей и художественных образов, а также источниками распространения звериного стиля на соседние территории: Центральную Европу, Подонье, Волго-Камье, Средний Урал и Западную Сибирь, Забайкалье.

Звериному стилю отдельных территорий присущи свои особенности разного уровня: стиль, преобладание определенных мотивов и сюжетов, материал, категории украшаемых вещей и художественные приемы. Причерноморский, северокавказский, донской, нижеволжский, южноуральский, казахстанский, минусинский (тагарский), алтайский варианты хорошо различаются. Одни варианты звериного стиля имеют истоки в местных культурах эпохи бронзы (Южная Сибирь), другие являются привнесенными (Северное Причерноморье, Северный Кавказ).

Распространение звериного стиля в бореальной зоне Северной Евразии обусловлено соседствующим положением территорий и контактами местного населения со «скифским» миром благодаря таким крупным водным магистралям, как Волга и Кама, Иртыш и Ишим, Обь и Енисей. Именно в бассейнах этих рек встречены многочисленные скифские украшения в зверином стиле и местные подражания им. Из-за сходства ананьинских изделий в зверином стиле со скифскими их иногда также объединяют одним общим понятием — ананьинский звериный стиль, который имеет определенное родственное отношение к скифо-сибирскому, и рассматривают его как ранний этап пермского звериного стиля. Истоки и природа его неясны. С одной стороны, набор мотивов и сюжетов имеет явное скифское происхождение, с другой стороны — стилистика многих из них отлична от скифских образцов, а деревянная скульптура восточноевропейского и в особенности уральского неолита обязывают нас с осторожностью относиться к таким суждениям и искать иные пути решения проблемы происхождения и развития ананьинского искусства звериного стиля.

Цель работы. Целью настоящей работы является изучение искусства ананьинского звериного стиля: определение его основных истоков и компонентов, отличительных особенностей, степени единства на всей территории ананьинской культурно-исторической области (АКИО), а также степень воздействия скифского искусства на процесс его формирования и развития.

Основные задачи. Основные задачи исследования заключаются в следующем:

1. Составление максимально полного описания материалов, относящихся к искусству звериного стиля АКИО;
2. Создание на этой основе электронной базы данных в СУБД MS Access '97 с описанием каждой находки, памятника и музейной коллекции, имеющих отношение к исследованию, включая историю изучения, библиографию, иллюстрации;
3. Выделение основных категорий предметов в зверином стиле и их классификация;
4. Подробное описание, поиск аналогий, в т.ч. и на соседних территориях, определение датировки и происхождения каждой находки;
5. Выделение и рассмотрение основных хронологических периодов развития ананьинского искусства. Согласно этим периодам рассмотреть данные группы находок и определить силу и степень воздействия скифского искусства (или искусства какой-то конкретной провинции скифского мира) на формирование основных категорий украшаемых предметов, мотивов, сюжетов;
6. Анализ процессов заимствования внешних художественных традиций и их переработки в местной среде. Выделение основных компонентов, участвовавших в сложении

ананьинского искусства звериного стиля и рассмотрение вопроса о существовании и развитии ананьинского звериного стиля как внутренне единого искусства племен АКЮ.

Методическая база. Формализация информационного описания археологических данных, хранимых в разработанной базе данных, позволила извлекать информацию по любому выделенному признаку археологического объекта. Это дало возможность использовать в работе несколько классификаций (схем), которые позволяют выделить категории предметов, группы находок по происхождению и проследить процесс и механизм переноса иноземных мотивов и сюжетов, указывая на вероятный источник заимствования.

Каталоги изображений составлены базой данных автоматически по заранее разработанным запросам-шаблонам. В процессе работы для отображения археологических памятников и находок, а также другой необходимой информации по определенным признакам на электронных картах, составления тематических карт и статистических данных, широко использовалась географическая информационная система MapInfo 5.0 Professional.

Географические рамки работы ограничиваются территорией Волго-Камья, т.е. ареалом ананьинской культурно-исторической общности (области) (Кузьминых, 2001). Под термином «Волго-Камье» подразумеваются бассейны Средней Волги и Камы с притоками, крупнейшими из которых являются Вятка, Ветлуга, Чусовая и Белая. Рассматриваемая территория огромна: от низовий Верхней Волги на западе до Чусовой и Юрюзани на востоке и от Печоры на севере до Самарской Луки на юге. В административном отношении ареал АКЮ соответствует территориям современных Пермской, Кировской и северо-востока Нижегородской областей, Коми-Пермяцкого округа, республик Коми, Чувашии, Удмуртии, Марий Эл, Татарстана и севера Башкортостана.

Хронологические рамки исследования ограничиваются временем бытования предметов в зверином стиле, обнаруженных на территории АКЮ, т.е. по сути рамками существования самой АКЮ (VIII—IV/III вв. до н.э.), и в своей основе синхронны времени распространения скифского звериного стиля.

Источники. Объектом настоящего исследования послужили предметы прикладного искусства древнего населения Волго-Камского региона VIII—III вв. до н.э. Сюда вошли украшения костюма, поясная гарнитура, конский убор, ряд категорий оружия и бытовых предметов из кости, рога, бронзы, меди, железа и биметаллических. Главным и определяющим критерием отбора материала стало наличие зооморфных и/или антропоморфных образов и их элементов или сочетаний в качестве декора. Сознательно не рассматривается керамика, так как является отдельной, чрезвычайно многочисленной, категорией предметов и требует самостоятельного исследования. Из-за трудностей с

датировками не рассматриваются наскальные рисунки, которые, будучи единичными в ареале АКИО, также являются отдельной категорией в искусстве.

В работе учтено 320 зоо- и антропоморфных предметов из 71 археологического памятника, включая места случайных находок, что предположительно составляет около 70% от общего числа известных изображений в зверином стиле с территории АКИО. Изображения на предметах из случайных находок, имеющие по своему виду аналогии в памятниках АКИО или других синхронных археологических культурах и географически не выходящие за пределы территории АКИО, включались в рассматриваемый комплекс изображений. В нашем распоряжении нет предметов в зверином стиле из органических материалов (кроме кости): дерева, кожи и ткани, служивших, вероятно, основным материалом для большинства местных изображений.

При сборе изображений были использованы материалы 64 археологических коллекций из раскопок, сборов и случайных находок, хранящихся в Эрмитаже, Кунсткамере (С.-Петербург), Пермском государственном университете и Пермском областном краеведческом музее (Пермь), Казанском государственном университете, Государственном объединенном музее республики Татарстан и Министерстве культуры республики Татарстан (Казань), Государственном историческом музее и Музее антропологии Московского государственного университета (Москва), Национальном музее Финляндии (Хельсинки), а также фотоматериалы из Фотоархива Института истории материальной культуры Российской академии наук (С.-Петербург). Наряду с музейными и архивными коллекциями, значительная часть использованного в работе материала была собрана по отечественным и зарубежным публикациям. Реконструкции фрагментарных изображений проводились только на основе надежных аналогий, что проиллюстрировано в специальных таблицах.

Научная новизна работы. Впервые был собран свод (в т.ч. в электронном виде) основного большинства предметов в зверином стиле с территории АКИО и максимальная информация не только о них самих, но и об археологических памятниках и музейных коллекциях, из которых они происходят. Этот собранный вместе материал позволил по-новому взглянуть на процесс формирования и развития ананьинского звериного стиля. В работе использована классификация, в которой за основу взята категория украшаемых предметов. Далее разделение предметов проводится по сюжетам, мотивам и видам животных таким образом, что полностью классификация выглядит следующим образом:

категория предметов → сюжет → мотив → вид (персонаж)

Из всего массива находок по своему происхождению выделены четыре основных группы предметов, в том числе собственно ананьинский пласт изображений, не подвергшийся влиянию внешних художественных традиций. Были выявлены точные или вероятные истоки

появления в Волго-Камье основных категорий предметов, мотивов, сюжетов, рассмотрены процессы их развития и степень воздействия на них скифского искусства. Определены происхождение и хронологические рамки многих предметов из случайных находок и их вероятное место в эволюционном ряду ананьинских изображений.

Стало ясным, что искусство звериного стиля волго-камского населения и основные (ведущие) категории предметов в зверином стиле в разных районах АКИО сформировались на основе или под влиянием художественных традиций различных провинций скифского мира. Отрицается существование стилистически и хронологически единого ананьинского звериного стиля. Под этим термином предложено понимать совокупность зоо- и антропоморфных предметов различных художественных традиций отдельных районов на территории АКИО на всем протяжении ее существования.

Основным защищаемым положением настоящей работы является тезис о том, что значительную долю ананьинских предметов составляют привозные скифские украшения, а истоками искусства звериного стиля древнего населения Волго-Камья VIII—III вв. до н.э. стали художественные традиции скифского звериного стиля различных регионов скифского мира.

Апробация результатов работы. Главы и положения диссертационной работы частями и целиком обсуждались на кафедре археологии СПбГУ. Отдельные результаты исследования были изложены автором в докладе на заседании сектора Археологии Центральной Азии и Кавказа в ИИМК РАН (май, 2001) и отражены в имеющихся публикациях.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при написании общих работ по истории, искусству и археологии Северо-Восточной Европы, а также при чтении спецкурсов по скифскому звериному стилю и искусству древнего населения АКИО. Собранный в электронной базе данных материал может стать образцом для создания подобных сводов археологических объектов, основой создания любых каталогов по археологии и искусству АКИО и других археологических культур и регионов. Схема базы данных легла в основу разрабатываемой в настоящее время в ИИМК РАН археологической информационной системы по учету археологических памятников на основе MapInfo GIS.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (341 публ.), перечня коллекций (64 колл.), списка принятых сокращений и Приложений: четырех каталогов, 47 рисунков, карт и таблиц и CDROM'a с записанными электронной версией диссертации в формате PDF (компания Adobe) и базой данных в формате MS Access 97 (компания Microsoft).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы, описывается картина распространения скифского звериного стиля в целом, в том числе и на территории Волго-Камья, а также определяются границы территории, которая подразумевается под термином Волго-Камье.

В Главе I рассматриваются основные источники, определяются границы и объем рассматриваемого материала, характеризуется методика выполнения работы. Кратко описываются основная структура базы данных ArcSites 3.5.1. и принцип описания и формализации данных, работы с Каталогами изображений I-IV и электронными картами в геоинформационной системе MapInfo 5.0 Pro.

В Главе II дается подробный обзор основных работ, посвященных изучению ананьинского звериного стиля отдельных регионов АКИО или всей области в целом. История изучения ананьинского звериного стиля рассматривается на фоне истории изучения ананьинской культуры; предпринимается попытка проследить процесс изменения взглядов на формирование культуры в зависимости от новых результатов в изучении искусства звериного стиля АКИО и наоборот на протяжении 150 лет. Обосновывается разграничение понятий «пермский звериный стиль» и «ананьинский звериный стиль».

В истории изучения ананьинского искусства и самой культуры выделяются несколько периодов, отличающихся по методам, направлениям и масштабности исследований. На каждом этапе помимо многочисленных статей, в которых в той или иной мере затрагивались ананьинское искусство или отдельные его сюжеты, создавались и крупные специальные работы сводного характера, в которых предпринимались попытки систематизации и анализа накопившегося материала.

Появление интереса к искусству древних народов России связано с комплексными сибирскими «учеными экспедициями», организованными Академией Наук для изучения географии и народов Урала и Сибири (Д.Г.Мессершмидт в 1722 г., Г.Ф.Миллер в 1734 г., А.П.Мельгунов в 1763 г.). В конце XVIII—начале XIX в. описываются некоторые вятские городища (Н.П.Рычков, И.И.Лепехин, И.Г.Георги., Е.Ф.Зябловский). Интерес к культуре и искусству Приуралья в широком смысле появился в XIX в. В научной литературе он получил освещение и привлек пристальное внимание только после раскопок Ананьинского могильника П.В.Алабиным в 1858 г. Начальный период изучения отличается тем, что уральские художественные изделия не разделялись на хронологические периоды и рассматривались все вместе. Из этого массива была выделена ананьинская группа изображений, которая отличалась высоким художественным уровнем, качеством изготовления и необычными мотивами. При этом была отмечена популярность звериных

мотивов в местном репертуаре изображений, а также указано на отличия местной культуры от западноевропейских. Попытки определить место изображений в зверином стиле во времени и их происхождение привели к выявлению четких аналогий скифским изображениям из Северного Причерноморья, Сибири и Крыма. Изолированное положение Ананьинского могильника в Приуралье вынуждало искать истоки происхождения культуры и ее искусства во внешней среде. В качестве прототипов основным ананьинским сюжетам подбирались индийские, ассирийские, персидские, мидийские, античные и скифо-сибирские мотивы, а сам Ананьинский могильник рассматривался как далекий некрополь «отделившихся скифов» (Эйхвальд Э., 1860; Невоструев К.И., 1871, Лихачев А.Ф., 1886; Анучин Д.А., 1899; Городцов В.А., 1910; Аппельгрин-Кивало Я, 1911; Minns E., 1913; Tallgren, 1928; и др.). Такое мнение обусловило появление точки зрения о неместном происхождении искусства носителей Ананьинского могильника. Основные сюжеты заимствовались извне, а на их основе формировались местные, отражавшие локальную религиозную специфику.

Соотнесение культуры Ананьинского могильника с культурой костеносных городищ в конце XIX в. А.А.Спицыным и П.А.Пономаревым позволило по-новому взглянуть на искусство местных племен. Изображения из могильника дополнили костяные изделия в зверином стиле, и теперь они стали рассматриваться вместе, как принадлежащие одной культуре одного племени (Спицын А.А., 1893). Всеобщую поддержку эта идея получила много позже, а пока материалы раскопок П.В.Алабина, дополненные раскопками П.А.Пономарева, Ф.Д.Нефедова и некоторых других ученых, изучались по отдельности и привлекались в качестве аналогий скифским изображениям.

В пред- и послереволюционный периоды наблюдается подъем в изучении волго-камских древностей, что связано, в первую очередь, с активизацией научных и краеведческих обществ на местах, плодотворной научно-просветительской деятельностью А.М.Тальгрена и обширной программой археологических исследований края, начатой комплексными экспедициями Института антропологии МГУ (1925-1930 гг.) и ГАИМК (1926-1929 гг.), и, соответственно, появлением более серьезных работ с привлечением новых данных с сопредельных территорий. По-прежнему, в качестве основных истоков происхождения наиболее популярных мотивов ананьинского искусства, основных векторов влияний рассматривались греческие колонии и скифы Северного Причерноморья, а также Сибирь (Шмидт А.В., 1927). Устанавливается импортное происхождение части предметов.

В предвоенный и послевоенный периоды появляются предположения о местных истоках некоторых сюжетов, которые обязаны своим происхождением северным охотничьим племенам Восточной Европы и Урала (Borovka G, 1928; Худяков М.Г., 1933; Эдинг Д.Г.,

1940). Эта точка зрения получила серьезные подтверждения после открытия деревянных фигур животных в уральских торфяниках. Общее развитие науки и комплексный подход к изучению древностей с привлечением не только археологических, но и этнографических данных позволили поднять вопрос о семантической нагрузке изображений и выявлении основных религиозных культов, пережитки которых сохранились у современных финно-угорских народов Приуралья (Худяков М.Г., 1933). Процессы развития искусства стали рассматриваться на общем фоне развития древней культуры и социальных отношений в самом обществе.

Такая реконструкция жизни древнего населения и роли его искусства была бы невозможна без широкомасштабных археологических исследований новых и уже известных ананьинских памятников. Находки наскальных рисунков (петроглифов) и деревянной скульптуры в Приуралье позволили говорить о появлении и непрерывной линии развития самобытного искусства в этом регионе. В это время ананьинские изображения уже четко отделяются от более поздних изображений пермского звериного стиля, но устанавливается и доказывается преемственность в развитии местного искусства финно-угорских племен с ананьинского времени вплоть до наших дней (Збруева А.В., 1952; Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958; Генинг В.Ф., 1958)..

В 70-е—90-е гг. XX в. появляется новый подход к изучению ананьинского звериного стиля. Разработка хронологии археологических памятников Волго-Камья позволила распределить изображения в хронологическом порядке и анализировать развитие конкретных мотивов во времени и на определенной территории, учесть внешние влияния на формирование определенных мотивов в определенный момент времени с учетом локальных особенностей ананьинского искусства. Было повторено предположение А.М.Тальгрена о проникновении скифских украшений в Волго-Камье в обмен на пушнину. При анализе изображений учитывается также утилитарное назначение орнаментированных предметов. Более подробный и детальный разбор отдельных сюжетов позволил выделить видовые категории животных, украшавших изделия. Для расшифровки и реконструкции семантического значения изображаемых образов, как и прежде, привлекаются этнографические материалы приуральских и сибирских племен, а господствующей религией, как и ранее, признается шаманизм. Помимо констатации уже установленных влияний и заимствований в ананьинском искусстве, в это время сделан значительный шаг в изучении локальных особенностей, хронологии, эволюции и особенностей развития сюжетов, их религиозного и духовного значения (Данилов О.В., 1982; Обыденнов М.Ф., Миннигулова Ф.М., 1985; Данилов О.В., Макеев И.В., 1987; Корепанов К.И., 1979, 1980, 1987; Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И., 1998). Однако, несмотря на кажущуюся полноту исследований и

длительный период изучения, во многом остается нераскрытым процесс формирования и начала развития ананьинского искусства звериного стиля и всех составляющих его компонентов.

Глава III посвящена типологической классификации и описанию всех находок, имеющих зоо- или антропоморфные образы или их комбинации. В основе классификации лежит определенная категория вещей, отобранная по функциональному назначению. Для каждой находки и изображения, по мере возможности, подбираются наиболее близкие аналогии как среди ананьинских материалов, так и среди материалов других культур. Данная процедура является основой для выделения импортных изделий, а также показывает процессы и механизмы заимствования инокультурных художественных элементов. Датировка предметов устанавливается по сопутствующим материалам в погребениях, культурном слое поселенческого памятника или аналогиям, имеющим достаточно надежную хронологическую привязку.

Общий массив предметов с изображениями в зверином стиле был подразделен на следующие категории: бляшки (60 экз.), браслеты (5 экз.), гребни (15 экз.), зеркала (3 экз.), кочедыки (2 экз.), крючки (23 экз.), ложки (1 экз.), лопатки (2 экз.), навершия (3 экз.), наконечники (4 экз.), налобные венчики (6 экз.), ножны (3 экз.), подвески (8 экз.), поделки (13 экз.), пряслица (16 экз.), псалии (37 экз.), распределители ремней (11 экз.), рукояти ножей (35 экз.), рукояти кинжалов/мечей (11 экз.), секиры (9 экз.), стелы (2 экз.), фигурки (38 экз.), чеканы (13 экз.). Внутри категорий деление производится по сюжетам, мотивам и персонажам. Краткая характеристика их дана ниже в алфавитном порядке.

Бляшки (60). Эта категория объединяет разрозненную коллекцию находок и является самой многочисленной. Большая часть импортных изделий представлена всевозможными ремennыми бляшками и накладками, которые могли использоваться как для украшения конской упряжи, так и портупейных ремней из разных регионов скифского мира (бляшки в виде голов львов-пантер, грифонов, припавших хищников, свернувшегося хищника). Некоторые мотивы и сюжеты были восприняты ананьинским обществом, что привело к появлению местных копий и подражаний скифским украшениям (бляшки в виде головы грифона, фигурки в виде припавшего к земле и свернувшегося в кольцо хищника, летящей птицы с распростертыми крыльями, летящего оленя-лося). Наряду с этим, некоторые художественные приемы скифского искусства также перенимаются и используются применительно к местным образам (летящая птица с распростертыми крыльями).

Браслеты (5). Несмотря на небольшую серию ананьинских зооморфных браслетов, можно предположить, что они появляются уже в раннеананьинское время. Из более позднего периода нам известно несколько экземпляров, включивших в себя некоторые

художественные стилистические черты кочевнических культур юга, но при этом отличающихся своеобразием в передаче мотивов.

Гребни (15). Категорию гребней можно разделить на две группы: собственно гребни и гребневидные подвески, которые, вероятно, использовались в качестве декоративных накладок на головной убор или костюм. Известно несколько типов гребней с изображениями в зверином стиле. Все предметы местного производства и практически все украшены переработанными скифскими сюжетами.

Зеркала (3). С территории АКИО известно всего три бронзовых зеркала с изображениями животных. Все зеркала имеют близкие аналогии в южных культурах и, скорее всего, являются импортными.

Кочедыки (2). Известно два похожих зооморфных экземпляра. Кочедыки были распространены не только у ананьинцев, но и у многих народов лесной полосы Восточной Европы вплоть до недавнего времени. Близких стилистических аналогий им не известно.

Крючки (23). Учтено более 20 бронзовых, медных, железных и костяных зооморфных крючков. Как категория предметов, являются заимствованием. Кажется наиболее вероятным, что вместе с зооморфными крючками в АКИО в V в. до н.э. была привнесена и традиция их изготовления. По всей видимости, существовало два источника: мощный донской и более слабый западносибирский или южноуральский. Это выразилось в копировании привозных оригиналов и изготовлении своих переработанных образцов из металла и кости. Скорее всего, зооморфные крючки легли в основу формирования традиции изготовления эполетообразных застежек в I тыс. н.э.

Ложки (1). Известна всего одна ананьинская ложка с примитивным изображением головы медведя на конце ручки. Гораздо больше таких примеров в материалах усть-полуйской культуры Зауралья.

Лопатки (2). Назначение этих предметов осталось невыясненным. С ананьинских поселений происходит большое количество лопаточек, но без зооморфных изображений. Лопатки самых разнообразных форм были распространены на всей территории лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннем железном веке, и, вероятно, имели глубокие традиции, связанные с обработкой шкур животных, в местных культурах.

Навершия (3). Навершия с головами животных не характерны для АКИО. Известно всего три экземпляра, одно — привозное, другое — копия с импорта или привозное, третье — местное, но сделанное под влиянием скифских традиций.

Наконечники (4). Данная условная категория объединяет четыре находки, способ использования которых остается неясным. Скорее всего, наконечники являются местной переработкой каких-то неизвестных скифских прототипов.

Налобные венчики (6). Бронзовые налобные венчики с зооморфными изображениями использовались в качестве головных украшений и изготавливались из пластин привозных кавказских поясов IX—VII вв. до н.э. Некоторые промежуточные пластины венчиков вырезались также из стенок бронзовых сосудов конца VIII—начала VII в. до н.э. центральнокавказского происхождения. На Среднюю Волгу и в Прикамье, очевидно, попадали отдельные поясные пластины, а не целые пояса.

Ножны/наконечники ножен (3). Все три экземпляра являются компиляциями восточных, южных и каких-то локальных мотивов и традиций, представляя местную специфику в переработке инокультурных художественных компонентов.

Подвески (8). За исключением одного предмета являются местными изделиями, но некоторые из них демонстрируют использование отдельных художественных приемов скифского звериного стиля.

Поделки (13).* К этой категории относятся заготовки, обломки и детали предметов, способ употребления которых надежно не установлен, несмотря на различные предположения.

Пряслица (16). Все зооморфные сюжеты, представленные на пряслицах, являются подражаниями общескифским сюжетам и относятся к V—IV/III вв. до н.э. Некоторые из них указывают на южное и юго-западное направление заимствований, что косвенно подтверждается находками бронзовых блях среднедонского происхождения с аналогичными сюжетами в ананьинских памятниках. Причем, переносятся сюжеты, имеющие в основе своей композиции круг, что было обусловлено исходной формой пряслиц. Стилистика изображений достаточно своеобразна, но заметно стремление к сохранению узнаваемости животных и избеганию «фантастичности» образов и зооморфных превращений, характерных для скифского звериного стиля.

Псалии (37). Основная масса ананьинских зооморфных псалий одновременна и принадлежит псалиям так называемого конецгорского типа. Источник их появления неясен. Настораживают малые размеры многих экземпляров — 5-7 см и небольшие отверстия. Либо правы исследователи, предполагающие существование у лесных племен легких типов уздечки из сухожилий животных, в которых могли использоваться такие псалии, либо эти предметы использовались в ином качестве. Три экземпляра представляют собой

---

* Предметы неизвестного (неопределенного) назначения.

полноценные двудырчатые роговые псалии местного производства, украшенные головками животных на концах. Стилистика изображений животных оригинальна, но идея является заимствованной у кочевников.

Распределители ремней (11). Практически все распределители однотипны, одновременны и являются савроматскими импортами. Способ их использования ананьинцами неясен, так как они найдены вне комплексов, за исключением уздечки из Убеевского могильника.

Рукояти мечей/кинжалов (11). Из 11 экземпляров с зооморфными украшениями более половины являются привозными из Южной Сибири или Днепровской Лесостепи, а остальные их копиями или подражаниями. Головки животных на рукояти аозинского меча VI в. до н.э. оригинальны и лишь в принципе повторяют скифский художественный прием. Зооморфные украшения мечей и кинжалов VI/V—IV вв. до н.э. — скифские и тагарские по своему облику. Некоторые сюжеты не были до конца поняты по каким-то причинам и переносились чисто механически, будучи восприняты как декоративный орнамент, а некоторые воспринимались через призму местных традиций и перерабатывались в более понятные образы. Тем не менее, традиция украшать рукояти мечей и кинжалов фигурами и головками животных и грифонов, как и сам набор этих сюжетов, были привнесены в АКЮ извне в конце VI—V в. до н.э. По имеющимся материалам можно четко обозначить два вектора: южно-сибирский (тагарский) и лесостепной (скифский).

Рукояти ножей (35). Все местного производства и демонстрируют высокий художественный уровень изготовления. Появляются в АКЮ не ранее конца VI в. до н.э. Генезис ананьинских зооморфных рукоятей на раннем этапе представляется как процесс прямого переноса мотива головы грифона с наверший рукоятей тагарских кинжалов. Дальнейшая разработка этого приема привела к появлению и развитию местных мотивов, отдельные экземпляры которых имеют сходство с ранними образцами. В целом изображения на ананьинских рукоятях отличает отсутствие излишней детализации и ярко выраженной агрессии, а также статичность. Позднеананьинские экземпляры представлены находками из северных районов АКЮ, где эта традиция сохраняется дольше и продолжается в I тыс. н.э.

Секиры (9). Знаменитые ананьинские бронзовые секиры, происходят из случайных находок конца XIX—начала XX в. из разных областей АКЮ. Секиры появляются в сформировавшемся виде. Источник их неясен. В художественном оформлении секир сочетаются образы волкообразного хищника и хищной птицы, мифического грифона, с которыми связан определенный комплекс религиозно-идеологических воззрений древнего населения Волго-Камья. В ананьинскую эпоху эти образы были чрезвычайно популярны. Четко отработана единая форма, конструкция и размеры секир. Парадные ананьинские

секиры, скорее всего, не выполняли боевых функций, а являлись знаками-символами, отражая сложный комплекс представлений, значение которого нам до конца не ясно.

Стелы (2). Две каменные плиты с антропоморфными изображениями происходят из Ананьинского могильника. Плиты из остальных могильников либо не содержат вообще никаких изображений, либо украшены изображениями оружия и ямками различного диаметра; к тому же они значительно старше собственно ананьинских. Аналогий стелам из Ананьинского могильника до сих пор неизвестно не только среди материалов АКИО, но и соседних культур. Их принадлежность к могильнику не считается бесспорной.

Фигурки (38). Глиняные фигурки происходят только с позднеананьинских поселений, а бронзовые — из раннеананьинских могильников. Обе группы чрезвычайно примитивны по исполнению, отражая лишь знаковую сторону образа. Бронзовые фигурки близких аналогий в других культурах не находят, а глиняные изготовлялись ананьинцами и другими племенами на обширной территории лесной зоны Восточной Европы и Сибири. Обычно они соотносятся с магическими предметами, связанными с земледельческим культом и культом домашнего очага.

Чеканы (13). Чеканы-клепцы, безусловно, представляют собой заимствованную традицию. Типологически и стилистически ананьинским чеканам ближе всего тагарские и верхнеобские образцы. Такие чеканы сопровождали богатые мужские погребения, имеющие иногда сложные погребальные конструкции. По общему признанию исследователей, волгокамские зооморфные чеканы изготовлялись на месте, а источником восприятия и дальнейшего развития этих типов послужили сибирские образцы.

Глава IV. Анализ находок и изображений в Главе III позволил распределить их по функциональным категориям и выделить четыре группы находок по происхождению: импорты, копии с импортов, подражания импортам и местные, а также установить датировку и ближайшие аналогии для большинства изображений. Были рассмотрены истоки происхождения четырех выделенных групп предметов (компонентов), формирование основных категорий предметов, мотивов и сюжетов по хронологическим периодам, что необходимо для понимания механизмов и процесса переноса и переработки инокультурных художественных элементов в местную среду. Деление на периоды несколько условно, так как находки, попадающие в разные периоды, могут иметь перекрывающиеся друг друга временные промежутки.

VII—VI вв. до н.э. К наиболее раннему периоду относятся около сорока предметов, происходящих, главным образом, из раннеананьинских могильников и случайных находок на Средней Волге и Нижней Каме. Кроме материалов Ст. Ахмыловского могильника, находки этого периода не образуют серий и больших скоплений на какой-то определенной

территории и относительно равномерно распределены по всему течению Нижней Камы. Несколько экземпляров происходят с Вятки, Средней и Верхней Камы. Более четверти находок являются импортными (Кавказ, Казахстан и Северное Причерноморье). Доминирующее положение занимают украшения в виде налобных венчиков, сделанных из фрагментов гравированных пластин бронзовых кавказских поясов с изображениями скачущих лошадей, собак, львов и рыб. Встречаются попытки подражаний кавказским аналогам и случаи использования пластин в качестве нашивных украшений костюмов. Казахстан и Причерноморье представлены единичными находками бронзовых ременных и нашивных бляшек и бронзовым зеркалом с изображениями хищных птиц, хищных и копытных животных. Количество копий и подражаний привозным изделиям невелико и несет на себе явный отпечаток влияния южных прототипов с Кавказа и Казахстана. Местных находок гораздо больше (23 экз.), прежде всего за счет бронзовых антропоморфных фигурок-амулетов Ст. Ахмыловского могильника. Для местных изделий, не имеющих следов влияния скифского искусства, характерны максимальная лаконичность и простота изображений, граничащая со схематизмом и примитивизмом. В выборе сюжетов и мотивов, кроме серии антропоморфных фигурок, не прослеживается каких-то особых предпочтений, прежде всего из-за малочисленности выборки. Материалом для всех предметов служила бронза разного качества, всего два предмета изготовлены из кости. Ни каменных, ни глиняных, ни тем более органических (кроме костяных) предметов с зоо- и антропоморфными украшениями этого времени мы не знаем.

VI—IV вв. до н.э. Для периода классической АКЮ VI—IV вв. до н.э. можно отметить большое количество отдельных бронзовых ременных бляшек западного и восточного происхождения в виде голов, когтей и лап животных и грифонов, а также другие изделия скифского, савроматского и тагарского облика, под влиянием которых местными мастерами начинают изготавливаться вещи по образцам привозных с сохранением основной идеи, заложенной в предмете. Наиболее сильным в VI—начале V в. до н.э. является восточный вектор влияния скифского звериного стиля на местное искусство, что выразилось, прежде всего, в заимствовании бронзовых зооморфных чеканов как категории предметов, превратившихся для ананьинцев в символ, олицетворявший определенное социальное положение и власть в обществе, и распространении их в восточных районах Волго-Камья. С востока заимствуются и адаптируются на местной основе поясные зооморфные крючки как категория предметов, толчком к распространению которых с V в. до н.э. послужили импортные зооморфные крючки другой конструкции со Среднего Дона. Под воздействием скифского звериного стиля некоторые наиболее распространенные скифские сюжеты, например, летящий олень, переносятся на местные категории предметов (гребни, пряслица,

рукояти ножей), указывая на определенные изменения в сознании местного населения. Даже некоторые собственно ананьинские изделия демонстрируют опосредованное влияние скифского искусства, что особенно хорошо заметно на примере костяных крючков и рукоятей ножей из вятских памятников. Вятские крючки и рукояти ножей в этой связи представляют последний этап заимствования и разработки скифских прототипов, и вероятнее всего, образцами для них служили уже не скифские оригиналы, а не дошедшие до нас переходные формы, особенно это относится к костяным рукоятям ножей. В памятниках Нижней Камы и Вятки этого времени наблюдается наибольшая концентрация находок в зверином стиле. Лидирующее положение на Нижней Каме занимает Ананьинский могильник, где среди находок преобладают привозные изделия из разных «провинций» скифского мира и подражания им. Материалы вятских поселенческих памятников не содержат импортов и представляют уже местное развитие или опосредованное проникновение скифской художественной традиции с юга через нижнекамские памятники.

V—III вв. до н.э. В позднеананьинское время процесс переработки многих скифских сюжетов и композиций достигает своего апогея, что хорошо видно на примере бронзовых бляшек и вятских каменных пряслиц с изображениями животных, гребневидных привесок с головами грифонов. Импортных изделий и копий очень мало. Помимо прямого переноса скифских сюжетов на местные изделия ананьинцами используются и отдельные скифские художественные приемы для украшений собственных категорий предметов, причем стилистика и композиции в ряде случаев существенно отличаются от скифских: например, бронзовые ананьинские секиры и рукоять ножа из Шиховского могильника. Параллельно с мощным пластом изображений «скифского облика» в Волго-Камье существует и местный оригинальный пласт, представленный глиняной антропоморфной скульптурой и костяными псалями с головами медведей на концах. Если вопрос о происхождении костяных псалий концеворского типа остается открытым, то глиняные фигурки можно с уверенностью отнести к особенностям искусства племен лесной полосы Урала и Сибири, связанного с местной религиозной традицией. В целом, подражания и часть местных изделий этого периода выглядят уже вполне сформировавшимися. При этом связь подражаний со своими скифскими прототипами не выглядит непосредственной, демонстрируя полное своеобразие в трактовке. Хорошо заметен длительный законченный процесс переработки как сюжетов, так и некоторых категорий предметов. Эта переработка проявляется в характере композиций, в стилистике изображений, в манере передачи и сочетании персонажей и категорий украшаемых предметов. Необходимо также отметить, что в IV в. до н.э. или даже несколько ранее в северных районах АКИО начинает формироваться новая художественная традиция, характеризующаяся одинаковыми художественными приемами и стилистическими

элементами в декоре разных категорий украшаемых предметов. Близкие стилистические и сюжетные аналогии она находит в металлической пластике позднеананьинских печорских и усть-полуйских памятников Зауралья. В I тыс. н.э. этот стиль начинает активно развиваться и становится доминирующим в Прикамье, частично вобрав в себя скифские, но в основном зауральские сюжеты и зауральскую стилистику изображений.

Заключение. Искусство звериного стиля АКИО представляет собой чрезвычайно сложное явление, вобравшее в себя множество составляющих, как местных, так и инокультурных элементов.

На территории АКИО выделяются несколько районов с наибольшей концентрацией находок в зверином стиле: Средняя Кама, Нижняя Кама, Вятка и Средняя Волга, откуда происходят разные в стилистическом, художественном и хронологическом плане находки с разными истоками, а также разные категории предметов без единой и непрерывной традиции в развитии форм и художественного оформления. К наиболее ранним предметам в зверином стиле из Волго-Камья относятся немногочисленные отдельные импортные изделия, поступившие из разных областей Кавказа и скифского мира, которые не оказали существенного влияния на местное искусство. Позднее, по мере активизации связей ананьинского населения со скифским миром, с VI в. до н.э. происходит заимствование некоторых категорий и форм зооморфных предметов, характерных в одних случаях для западных районов скифского мира, в других — для восточных. В дальнейшем — также под влиянием скифского искусства — опосредованно, через приграничные со скифским миром памятники, начинается процесс разработки местных категорий предметов с собственными художественными приемами. Именно к этому времени относятся вятские костяные рукояти ножей, а также самые яркие ананьинские шедевры — парадные секиры.

В некоторых случаях удастся определить происхождение не только предметов, но и самих категорий художественных изделий АКИО. Зооморфные чеканы, крючки, рукояти мечей/кинжалов и навершия можно вполне уверенно отнести к заимствованиям, причем образцами для ананьинских чеканов и рукоятей кинжалов послужили западно- или южносибирские образцы, а для крючков — донские и южноуральские. Такие категории вещей как гребни, ложки, кочедыки, лопатки, налобные венчики, пряслица, антропоморфные фигурки, рукояти ножей, секиры вполне могут считаться местными или общими для народов лесной полосы Евразии. Однако скифские художественные приемы и стилистика многих образов на них как раз и отражают процесс интенсивного влияния скифского звериного стиля на местное искусство (пряслица, рукояти ножей, гребни, секиры, некоторые ножны и т.д.). Это говорит о том, что отдельные категории предметов были целиком заимствованы извне и получили дальнейшее развитие у ананьинцев, а многие местные — развивались под

влиянием искусства различных регионов скифского мира, перенимая сюжеты, приемы и формы.

Зачастую используемые мотивы и сюжеты (исключая изображения на импортах) также являются заимствованиями. Мотив хищной птицы-грифона появляется в Волго-Камье в конце VI в. до н.э. вместе с чеканами и рукоятями кинжалов с головами грифонов. Позднее головами грифонов стали украшать гребни, секиры, крючки. Мотив кошачьего хищника также можно рассматривать как заимствование, хотя он и не получил распространения в АКЮ. Все изображения волкообразного хищника с территории Волго-Камья, несмотря на локальную специфику в трактовке, исполнены в духе традиций скифского звериного стиля (отдельные и сдвоенные головы волков на окончаниях предметов, свернувшийся в кольцо и опустивший голову волкообразный хищник). Фигуры лосей с подогнутыми ногами на гребнях и бляшках — прямое подражание скифскому летящему оленю, но в местной интерпретации. Обилие металлических фигурок летящих птиц с распростертыми крыльями в синхронных культурах Зауралья и Западной Сибири позволяет в итоге предположить, что и этот мотив был привнесен в Волго-Камье извне. Несомненно к местным мотивам относятся мотив человека (отдельные фигурки и личины) и медведя (хотя сюжеты с изображениями медведей или копируют скифские образцы, или являются их развитием). Таким образом, наиболее яркие в художественном отношении мотивы, а в особенности сюжеты, представляют собой реплики скифских и сибирских образцов или являются результатом их локального развития.

В этой связи интересно сопоставить процесс развития ананьинского искусства с основными этапами скифского культурогенеза. На раннем этапе, когда скифская культура в своем виде полностью еще не сложилась на всем евразийском пространстве, преобладает роль Северного Кавказа и через него Закавказья как наиболее сильных центров с устойчивыми культурными традициями, причем это заметно не только по материалам ананьинского искусства, но и по большому количеству других кавказских импортов. В период скифской классики, когда формируются основные региональные центры скифской культуры (Южная Сибирь, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, собственно Скифия и др.), в разных областях АКЮ под воздействием школ этих центров начинается процесс восприятия иноземных художественных приемов. Интенсивный процесс культурного взаимодействия с передовыми для того времени племенными образованиями Евразии привел к выработке и формированию лишь в отдельных районах АКЮ собственных способов оформления художественных изделий на основе скифских образцов. Таким образом, очевидно, что на всем протяжении своего развития ананьинское искусство подвергалось постоянному воздействию традиций наиболее сильных скифских художественных центров,

но формирование общего для всего Волго-Камья художественного стиля так и не успело произойти.

Неясной остается роль ананьинского звериного стиля, точнее, его отдельных художественных компонентов в сложении пермского звериного стиля. Известны серии позднеананьинских находок, по стилю напоминающие прикамские полые фигурки птиц и зверей I тыс. н.э., но гораздо больше «идеологически» и стилистически близких прототипов находится в искусстве зауральских племен (усть-полуйская, иткульская и кулайская культуры), к тому же хронологический разрыв между позднеананьинскими изделиями и прикамскими полыми бляшками значителен. В связи с этим вопрос об ананьинском наследии в пермском зверином стиле и взаимодействии лесотаежных и степных культур в Волго-Камском регионе остается открытым.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Васильев Ст.А. К вопросу о происхождении сюжета "хищник, свернувшийся в кольцо" в скифском зверином стиле. Каталог изображений. СПб., 2000. 41 с., 8 л. ил.
2. Васильев С.А. Мотив свернувшегося в кольцо хищника в искусстве пермского звериного стиля в ананьинскую эпоху // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб., 1997. С. 33-35.
3. Васильев С.А. Об одном скифо-сибирском компоненте в искусстве племен ананьинской культуры // Пятые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 2000. С. 21-24.
4. Васильев Ст.А. История изучения искусства ананьинской культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 2000. № 4. С. 102-105.
5. Васильев Ст.А. Об одном предмете из Казанского музея // Евразия сквозь века. Сборник статей в честь 60-летия Д.Г.Савинова. СПб., 2001. С. 77-80.
6. Васильев Ст.А. Связи ананьинской культуры с Западной и Южной Сибирью // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 139-142.
7. Васильев Ст.А. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // Вестник Молодых Ученых. СПб. 2001. Вып. 1. С. 30-37.

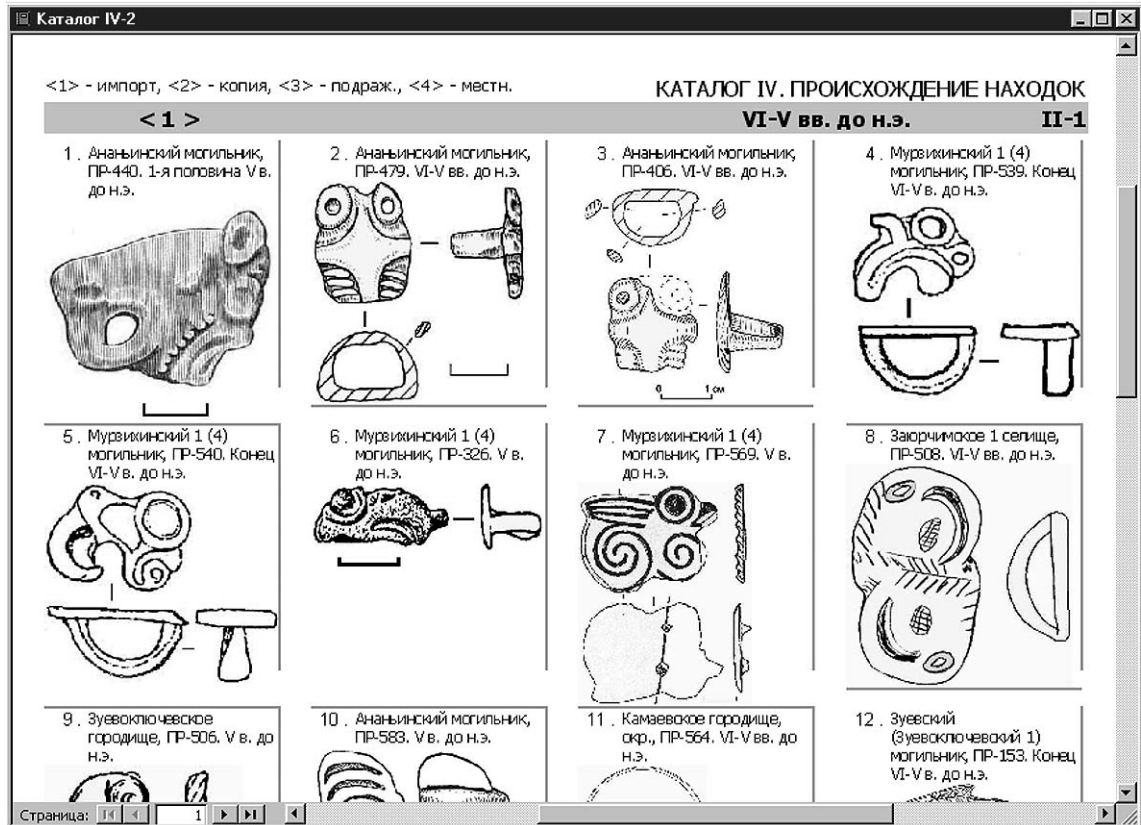

Рис. 1. Пример формирования каталога изображений в базе данных ArcSites 3.5.1.

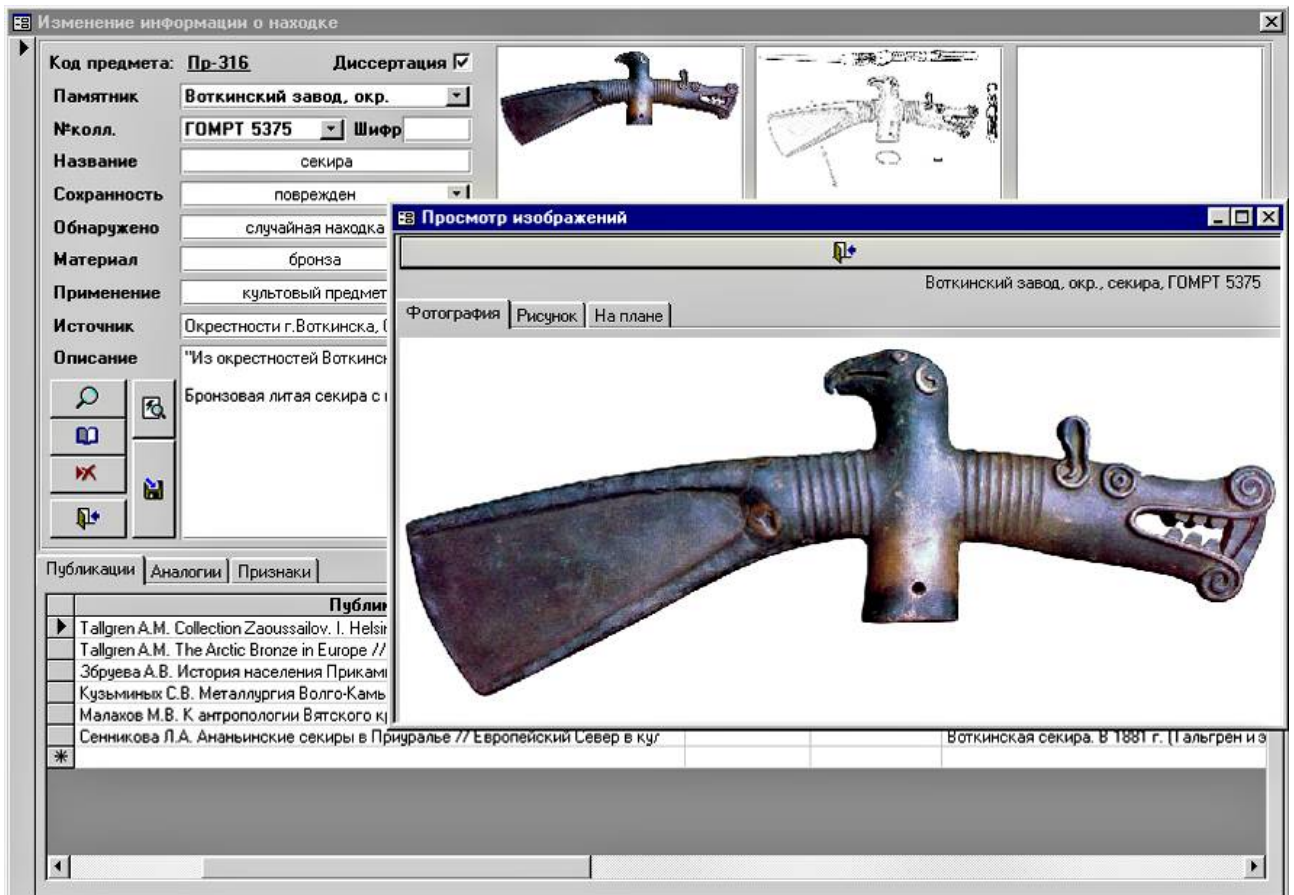

Рис. 1А. Примеры ввода информации в базу данных ArcSites 3.5.1.

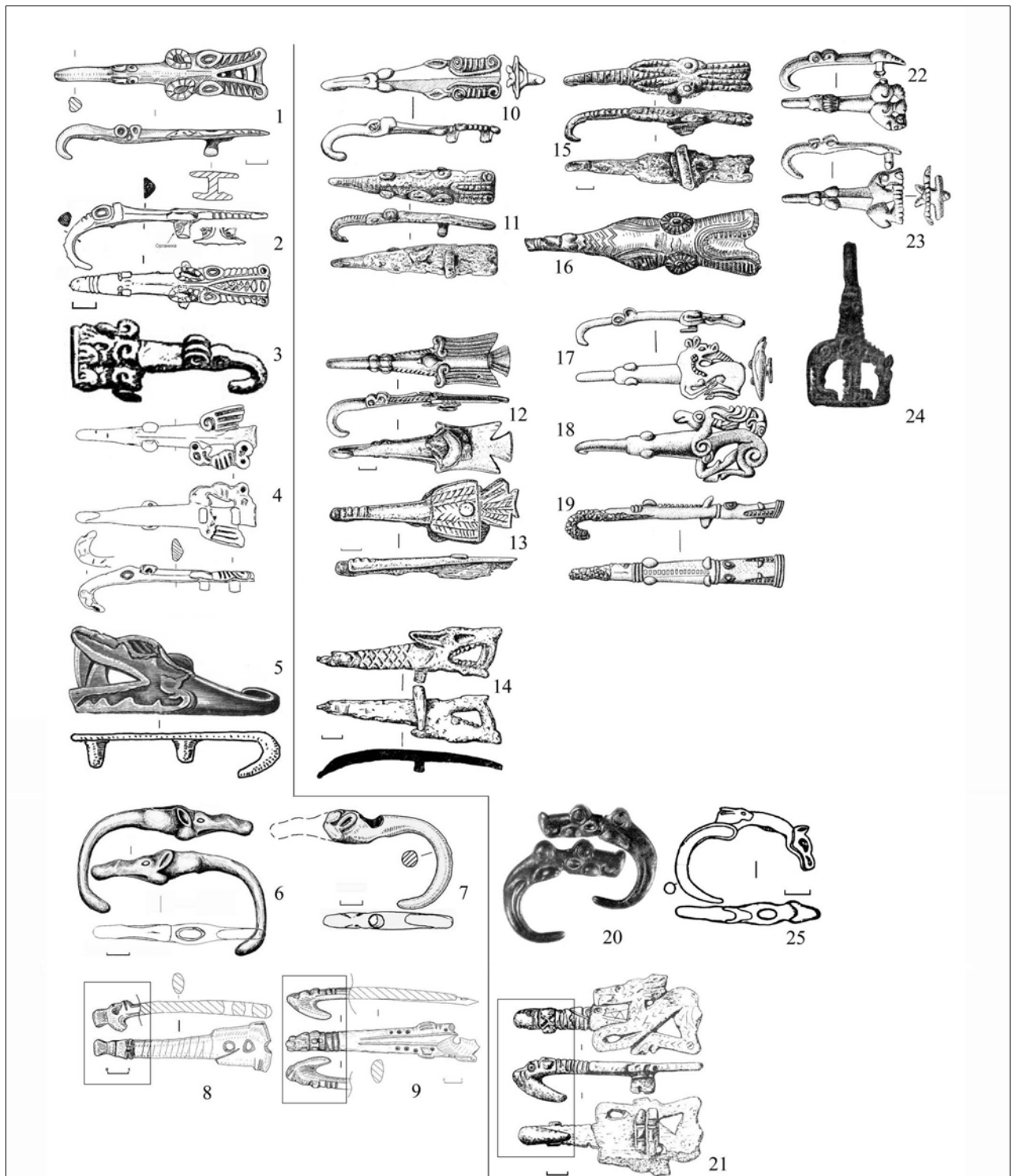

Рис. 2. 1 - Грохань; 2 - Новомордово; 3 - Чурачикский кург.; 4 - с.Таяба; 5-7 - Ананьинский мог.; 8-9 - Пижемское гор.; 10 - Частые курганы, кург. 10; 11, 15 - Мاستюгино, кург. 32/32; 12 - Мاستюгино, кург. 47/30; 13 - Колобино, кург. 5; 14 - Мاستюгино, кург. 11/16; 16 - Частые курганы, кург. 3; 17 - Мاستюгино, сборы А.А.Спицына 1905 г.; 18 - Частые курганы, кург. 12; 19 - Мاستюгино, кург. 2 (1906 г.); 20 - Сынтас, кург. 2; 21 - Мاستюгино, кург. 34/39; 22 - Русская Тростянка, кург. 1; 23 - Частые курганы, кург. 11; 24 - с.Бажиган; 25 - Новообинский клад.

8-9, 21 - кость; 13, 16 - бронза, обтянутая золотыми листочками;
19 - железо, обтянутое бронзовыми листочками; остальное бронза